

УДК 321.01

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-2/93-104>

В.А. Подольский*

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИДЕРСТВА НА ПРИМЕРЕ КНИГИ НЕЕМИИ

В ветхозаветной книге Неемии показана роль ответственного лидерства при решении задач восстановления духовной, ритуальной, экономической, административной и военной сфер общественной жизни. Если в американской библеистике книга Неемии хорошо известна и давно изучена, в том числе как руководство для лидеров, то в отечественной науке эта часть Священного Писания нередко остается в тени других исторических и пророческих книг Ветхого Завета. Цель настоящей статьи – рассмотреть с политико-философской точки зрения деятельность Неемии при возвращении евреев в Иерусалим после вавилонского пленения как пример ответственного исполнения обязанностей лидера. Статья использует ряд политико-философских концепций, относящихся к лидерству, для того, чтобы подчеркнуть важность ответственного исполнения руководителями своих обязанностей в контексте общего блага: конфуцианство, легизм, учения Аристотеля, Н. Макиавелли и Дж. Локка.

Ключевые слова: книга Неемии, Аристотель, Н. Макиавелли, Дж. Локк, политическое лидерство

Applied and practical philosophy of responsible leadership in the book of Nehemiah. VADIM A. PODOLSKIY (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The Book of Nehemiah shows the role of the responsible leadership in restoration of spiritual, ritualistic, economic, administrative and military spheres of public life. While the Book of Nehemiah is well known and has long been examined in American biblical studies, in particular as a manual for leaders, in Russian academia this part of the Holy Scripture often remains in shadow of other historical and prophetic books of the Old Testament. The aim of this article is to offer a political and philosophical review of Nehemiah's activity during the return of the Jews to Jerusalem after Babylonian captivity as an example of responsible performance of leader's duties. The article uses several political and philosophic concepts related to leadership (Confucianism, legalism, teachings of Aristotle, Machiavelli and Locke) to stress the importance of responsible performance by leaders of their duties in the context of the common good.

Keywords: Book of Nehemiah, Aristotle, N. Machiavelli, J. Locke, political leadership

* ПОДОЛЬСКИЙ Вадим Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

© Подольский В.А., 2022

Лидерство – это необходимый элемент организации человеческой деятельности, но оно создает риски злоупотреблений властью, когда лидер некорректно воспринимает общее благо, использует неверные средства для достижения общего блага или же вовсе преследует собственные интересы. Вопрос ответственного лидерства и добродетельного правления занимал философов на протяжении всей известной истории человечества. Древнеегипетский чиновник Птаххотеп, автор самого первого из известных дидактических материалов для правителей, пишет, что руководитель должен заботиться о благе подчиненных, стремиться к добру и справедливости, не допускать зла в распоряжениях. Птаххотеп объясняет свои указания тем, что благо устойчиво [7]. Согласно Аристотелю, цель государства и политики – справедливость, то есть общее благо [1, с. 462]. Изучение политической науки обычно начинается не только с «Политики» Аристотеля, но и с «Государя» Николы Макиавелли [11]. С XIX в. Макиавелли упоминается в качестве основателя политической науки: например, об этом говорит известный историк-виг Томас Маколей [26, р. 31]. Написанный в эпоху, когда Италия представляла собой чрезвычайно неустойчивую совокупность враждующих городов-государств, трактат Макиавелли служит одним из важнейших источников при изучении вопросов взятия и удержания власти. Термин «макиавеллизм» вошел в оборот в Европе уже в конце XVI в. и означал тонкое коварство, политическую хитрость, беспринципность, интриги. Король Пруссии Фридрих Великий вместе с Вольтером в 1740 г. написал трактат «Анти-Макиавелли» с рассуждением о вреде интриг для государства и о добродетельном правлении, цель которого – благополучие подданных [14], зафиксировав идеологию просвещенного абсолютизма. Дени Дидро в «Энциклопедии» назвал макиавеллизм отвратительным искусством тирании [21].

Макиавелли защищал республиканскую форму правления, и в тот год, когда он написал книгу «Государь», он пережил заключение и пытки за борьбу за свободу [26, р. 31]. Несмотря на симпатии и уважение Макиавелли к гражданским свободам, особенно ярко выраженные в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», и артикулированную там же неприязнь к тирании [27, р. 122], учение Макиавелли – это пособие по тирании. Благонамеренный государь, парламентарий или чиновник также может извлечь

множество полезных сведений из рассуждений флорентийского мыслителя, но совокупность инструментов, которые описывает Макиавелли, больше подходит для захвата власти тираном и ее последующего цементированья. Маколей отмечает, что Макиавелли уделяет больше внимания средствам, чем целям. Макиавелли недостаточно ясно выражает принцип общего блага как смысл существования общества и законов. Задачей Макиавелли, указывает Маколей, становится благо тела, отделенное от блага его членов и слабо совместимое с ним [26, р. 51]. Патриотизм по Макиавелли – это коллективный эгоизм, отмечает в «Размышлениях о Макиавелли» Лео Штраусс [33, р. 12]. Власть у Макиавелли превращается из средства в цель, а когда удержание власти любой ценой становится целью, то формы правления могут приобретать чрезвычайно уродливый вид, как, например, в «Книге правителя области Шан», которая учит порабощению населения.

Одна из исторических книг Ветхого Завета, книга Неемии, может быть использована в качестве наставления по ответственному правлению как альтернатива или как дополнение к рассуждениям Макиавелли. Хотя в наблюдениях Макиавелли о закономерностях в политике едва ли стоит искать неточности, его недоверие к человеческой добродетели и инструментализация пороков превращаются в мизантропию. Такой подход ставит под угрозу общее благо как цель политических исследований Макиавелли и цель общежития. Книга Неемии, напротив, предлагает оптимистический взгляд на способность человека к добру, в том числе человека, занимающего самые высокие руководящие должности. Книга Неемии как учебник для руководителя и пособие по эффективному лидерству – достаточно популярная тема размышлений и публикаций в американской библеистике [18; 32]. Исследователи проводят структурированный анализ событий из книги Неемии и подробно рассматривают каждое политическое и административное действие Неемии [25, р. 24–26]. Авторы оценивают психологию Неемии и его оппонентов, важность дисциплины как ключевой характеристики для лидера, применимость опыта Неемии для решения современных задач [24, р. 77]. В существующей литературе отмечается, что Неемия демонстрировал такие важнейшие черты лидера, как ответственное использование властных полномочий [24, р. 138], скромность [19, р. 46],

усердие [19, р. 52] и умение вникать в суть проблем, трудиться вместе с подчиненными [28, р. 402] и подавать пример [19, р. 59]. Осуществление Неемией административных функций рассматривается в свете христианской максимы «кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою» [28, р. 397]. Исследователи отмечают, что Неемия показал, насколько масштабные задачи можно успешно решать, если лидер не будет стремиться к власти ради самой власти или богатства и статуса, но будет трудиться во славу Бога и ради ближних [28, р. 399–400].

Наиболее масштабный комментарий к книге Неемии составил американский католический богослов Р.Е. Браун. Браун отмечал, что книга Неемии отличается от всех прочих книг Библии автобиографичностью [20, р. 15]. Он убежден, что Неемия – один из наиболее выдающихся лидеров из Библии, его таланты актуальны и сегодня [20, р. 22]. Неемия, не будучи королем, решал задачи королевского масштаба [20, р. 16]. Для восстановления Иерусалима Неемия пожертвовал собой, оставив спокойную, сытую и комфортную службу при персидском дворе. Неемия умел убеждать других и приспосабливаться к вызовам [20, р. 22–24], проводил качественную кадровую политику и умело делегировал задачи [20, р. 251–252].

Достаточно обширна литература по историческому контексту книги Неемии. Например, в статье историка Э.М. Ямаучи рассматриваются археологические подтверждения событий из книги Неемии: упоминание Товии в археологических памятниках в Иордании, который, вероятно, был губернатором Аммонии при персидском владычестве, и упоминание Санбаллата как начальника Самарии в документах из Египта [34, р. 300–302]. Языковому и историческому анализу статуса Неемии посвящена статья немецкого исследователя Д. Фултона «Каким губернатором был Неемия?» [23]. В отечественной науке в дореволюционное время книгу Неемии также изучали преимущественно в историческом ключе [17].

Книга Неемии входит в число 39 канонических книг Ветхого Завета. Она описывает время после Вавилонского пленения еврейского народа. В начале VI в. до н.э. вавилонский царь Навуходоносор II захватил и разрушил Иерусалим, а евреев увел в плен. В середине VI в. до н.э. персидский царь Кир II Великий разбил Вавилон и дал евреям разрешение на возвраще-

ние в Иерусалим и восстановление разрушенного храма, который построил Соломон [22, р. 5]. В конфликт с возвращающимися евреями вступили самаряне, народ, переселенный в Палестину Ассирией в VIII в. до н.э. [34, р. 299]. Они написали жалобу царю Артаксерксу, обвинив евреев в стремлении отделиться от Персии, и восстановление Иерусалима было приостановлено, пока евреи не послали к персидскому двору новое письмо, в котором ссылались на разрешение Кира [22, р. 5].

Неемия служил виночерпием у царя Артаксеркса и смог занять должность управляющего Иудеей как автономной административной единицей в составе персидского государства. Книга Неемии состоит из 13 глав и представляет собой его воспоминания. Неемия описывает свое прибытие из Персии в Иерусалим, организацию работ по строительству крепостных стен Иерусалима, конфликты с самарянами, а также восстановление религиозных обрядов и правил согласно Завету, переданному Моисеем. Административная активность Неемии изложена в 2–7 и 12–13 главах книги, остальные главы посвящены религиозным вопросам.

В своем повествовании Неемия затрагивает целый ряд функций государственного управления. Неемия успешно решил три масштабных задачи: заново построил стены города, провел перепись населения после возвращения из вавилонского плена и восстановил обряды, предписанные законом Моисея. Проведение переписи было наименее сложной из трех задач: Неемия дал соответствующие поручения главам еврейских семей [4, с. 479–480].

Самым трудоемким процессом с точки зрения управленческой нагрузки стало восстановление стен Иерусалима. При выполнении этой задачи Неемия взаимодействовал с целым рядом узлов власти. Во-первых, благодаря хорошей репутации у царя Артаксеркса, он смог добиться получения рекомендательных писем царя к областеначальникам для перемещения в Иерусалим из южно-персидского города Сузы, а также к хранителю царских лесов для получения строительных материалов. Царь послал с Неемией военачальников для сопровождения. Во-вторых, он организовал строительство стен, опираясь на старейшин еврейского народа и чиновников персидского государства. В-третьих, он выдержал конкуренцию с самарянами и аммонитянами как альтернативными претендентами на иерусалимское наследие.

Угрозы и вызовы, с которыми Неемия сталкивался при строительстве стены, Ямаучи объясняет тем, что появление сильного губернатора Иудеи воспринималось как риск для губернатора Самарии: сатрапы соседних провинций персидской империи постоянно противостояли друг другу. Третий единомышленник Санбаллата и Товии и противник Неемии, араб Гешем, вероятно, представлял арабскую конфедерацию, которая опасалась, что Иерусалим разрушит ее торговую монополию [34, р. 300–302].

В книге Неемии лишь кратко упоминается важная часть противостояния с конкурентами евреев за наследие Иерусалима, которая подробно описана в книге Ездры, а именно переписка с царским двором по поводу права евреев на восстановление города. Самаряне и аммонитяне указывали царю, что евреи восстанавливали стены, чтобы отделиться от персидского государства, и призывали отозвать разрешение на строительство. Аутентичность писем подчеркивается с помощью их цитирования на арамейском языке, в то время как остальной текст написан на еврейском [17, с. 195]. Когда разрешение было отозвано, евреи апеллировали к более раннему нормативно-правовому акту, а именно постановлению Кира, которое не только позволяло восстановление Иерусалима, но и предполагало возвращение изъятых вавилонянами сокровищ в храм [13, с. 468].

Помимо подбора соответствующей нормативно-правовой документации, подтверждающей справедливость их притязаний, вернувшиеся из Вавилона евреи вели конфликт с конкурентами еще в трех плоскостях. Во-первых, это организация обороны для строителей. Неемия совместно с еврейскими старейшинами принял решение об обороне. Затем он велел строителям носить оружие на случай нападения неприятелей. Во-вторых, это организация коммуникационной системы. Неемия ввел оповещение об угрозе – звук трубы, который был призван собирать строителей для отражения возможной атаки противника. В-третьих, это наблюдение за общественным мнением. Он знал об активной переписке между еврейскими старейшинами и аммонитянами и стремился проявлять твердость в своей работе, не реагируя на угрозы и провокации со стороны самарян и аммонитян. Ему было известно и о доносителях при нем. Когда конкуренты стали слать Неемии угрозы, он отказался бежать, чтобы не подать дурной пример и не приостано-

навливать исполнение своих обязанностей [4, с. 477–479].

Неемия выполнил чрезвычайно важную функцию примирителя в отношениях между классами и отвечал за распределение благ. Он получил жалобы о том, что землевладельцы не прекращали требовать платежи от своих арендаторов, из-за чего для последних было затруднительно участвовать в строительстве стены. Он собрал еврейских старейшин и убедил их отменить сборы и простить долги их арендаторам [4, с. 477–478]. После восстановления стены Неемия организовал относительно демократическую процедуру жребия, чтобы определить места для проживания различных семей евреев в различных областях [4, с. 484].

Неемия осуществлял такую значимую функцию государственного управления, как учет. Учитывал вклады начальников и народа в строительство, свои средства, издержанные на пропитание для старейшин, и скотину, которой располагал еврейский народ после возвращения из плена [4, с. 478–480]. Ответственное исполнение обязанностей важно даже в отношении мелочей, поскольку, как пишет Аристотель, иногда государство может прийти в расстройство из-за правонарушений и накопившихся незначительных ошибок в управлении [1, с. 543].

Нельзя хорошо руководить, не научившись подчиняться, указывает Аристотель [1, с. 452], это условие свободы [1, с. 571]. Благодаря этому правящий будет иметь в виду пользу управляемых, чтобы тот, кто будет править после него, имел бы в виду и его пользу [1, с. 456]. Неемия имел опыт и подчинения, и руководства. Когда он восстанавливал Иерусалим, он сохранял участие в иерархии персидского государства и после восстановления стен на некоторое время возвращался к царскому двору [4, с. 487].

После того, как священник Ездра прочитал перед народом постановления из закона Моисея, Неемия и старейшины еврейского народа обновили завет с Богом и в знак того, что они будут соблюдать заповеди, поставили свои печати. Народное собрание приняло решение обеспечить содержание храма на постоянной основе и ввело регулярный сбор денег, дров, скота и плодов с полей. Народ постановил собирать десятину для содержания священников левитов. Неемия с помощью еврейских старейшин организовал торжественный хор для освя-

щения стен Иерусалима. Также Неемия организовал удаление вещей аммонитян из комнаты, в которой при храме должны были храниться подношения. Для того, чтобы соблюдались субботы, Неемия выполнил следующие действия. Во-первых, он собрал старейшин народа и озвучил им выговор за нарушение субботы. Во-вторых, он приказал запираить ворота города на субботу и назначил ответственных за соблюдение этих ограничений. В-третьих, он запретил торговцам ночевать у стен города в субботу [4, с. 483–487]. Неемия контролировал исполнение законов, в частности, сбор десятины и соблюдение субботы. Он проводил собрания старейшин, чтобы добиться их содействия в воплощении решений, и тратил собственные средства на питание собиравшихся [4, с. 478]. За нарушение постановлений Неемия делал выговоры [4, с. 487].

Хронологически книга Неемии – последняя среди исторических и предпоследняя, перед поздним современником Неемии пророком Малахией, среди всех канонических книг Ветхого Завета. Постановления Неемии и Ездры создали условия для сохранения порядка в Иерусалиме на четыре столетия, до римского завоевания и новозаветных времен, что сопоставимо со сроком существования Римской республики, одного из наиболее эффективных из существовавших государственных образований. Томас Карлейль указывает на значение личности в истории, утверждая, что все достижения человечества – это достижения великих людей [2, с. 7]. Справедливо и обратное – все наиболее страшные бедствия часто связаны с действиями конкретных людей. Следовательно, колоссальное значение для общества имеет такое обучение правителей, чиновников и парламентариев, то есть тех, кто получает власть над тысячами и миллионами людей, которое поможет взрастить в них уважение к общему благу и неприязнь ко злу.

Самая известная из древних попыток институционализации меритократического правления – это система государственных экзаменов в Китае. Примерно со II в. до н.э. китайских бюрократов стали назначать на должности не в силу их происхождения или богатства, но на основании их знаний, которые проверялись с помощью государственных экзаменов [8, с. 182]. Обучение чиновников было в некоторой степени похоже на работу современных компьютерных программ, нейросетей, которые

фиксируют закономерности во множестве более или менее похожих случаев, а затем могут категоризировать случаи или прогнозировать динамику на основании накопленных знаний. Китайские чиновники изучали конфуцианские и исторические тексты, чтобы уметь предсказывать политические и административные ситуации, опираясь на примеры из истории. Ключевая категория конфуцианства в сфере государственного управления – это «совершенный муж». «Совершенный муж» щедр, требователен, величественен, но при этом не расточителен, не алчен, не жесток [6, с. 357]. Его важнейшая черта – понимание долга, а не выгоды [6, с. 233]. Похожий идеал руководителя воплощал Неемия, а до него – Давид и Моисей. Аристотель пишет, что наиболее полезно, когда правят порядочные люди, несклонные впадать в ошибки [1, с. 571]. Те, кто хочет занимать высокие должности, должны иметь способности к выполнению обязанностей, отличаться добродетелями и справедливостью: те, кто может блюсти себя, может блюсти и дела, отмечает Аристотель [1, с. 548–549]. Если правитель преодолевает себя, чтобы блюсти ритуал, который необходим для сохранения устойчивости мира, это показывает гуманность правителя и обращает к нему людей, убежден Конфуций [6, с. 287]. Если правитель исправляет себя и поступает правильно, то и дела в государстве исправятся, и никто не посмеет поступать неправильно [6, с. 292]. Если правитель не может исправить себя, то он не может рассчитывать и на то, чтобы исправлять других [6, с. 300]. Если правление опирается на соблюдение правил, исполнение долга и доверие, то оно привлекает к себе людей [6, с. 298]. Доверие к праведному правителю, по мнению Конфуция, – это основа государства, даже более важная, чем продовольственная и военная безопасность [6, с. 289–290]. Государство распадается, когда правитель действует вопреки оказанному доверию, пишет Локк [10, с. 389]. Неемия и Ездра, обратившись к закону Моисея, фактически произвели то фундаментальное управленческое действие, которое Конфуций называет «исправлением имен», то есть восстановление основополагающих смыслов. Если смыслы не ясны, говорит Конфуций, тогда ритуал производится неправильно и в государстве начинается разлад и исчезает справедливость [6, с. 296–297]. Трагизм ветхозаветной истории еврейского народа со-

стоял именно в отступлении от изначальных смыслов, заложенных законом Моисея. Книга Неемия показывает важность порядочности и самоотверженности при выполнении обязанностей и следовании вечному, божественному закону. Своевольная, единоличная интерпретация должного при отступлении от вечного закона приводит обыкновенно к политическим, социальным и экономическим катастрофам. Макиавелли пишет, что порицать следует того, кто жесток, желая испортить, а не исправить [27, р. 120–121], но идея допустимости злодеяний и единоличной интерпретации общего блага неоднократно приводила к ужасающим политическим последствиям и разрушению государств. Аристотель указывает, что отсутствие верховенства закона порождает демагогов: если нет памяти о надлежащем пути достижения общего блага, каждый начинает толковать его по-своему и возникает тирания [1, с. 496].

Ярчайший пример последствий единоличной интерпретации общего блага правителем или его советником для общества предлагает «Книга правителя области Шан». Автор книги, Гуньсун Ян, жил в эпоху «воюющих царств», которая отчасти напоминала ситуацию в Италии во времена Макиавелли. Правители государств зависели от аристократии в ведении войн и осуществлении экономической деятельности, а интересы аристократии могли расходиться с интересами правителей. Шан Ян, занимавший должность советника в одном из сильнейших китайских государств, Цинь, рекомендовал снижать роль аристократии и создавать систему мобилизационной экономики с помощью полной перестройки этики и системы управления [5, с. 48–51]. Государство должно было стать сильным. Чтобы сила государства возросла, уверен Шан Ян, народ должен ослабеть [5, с. 219], культура должна быть упразднена [5, с. 153], а крайне жесткие наказания, применяемые независимо от чина, система доноительства и коллективной ответственности были призваны держать жителей в подчинении [5, с. 206–208]. Сильное государство будет вести успешные завоевательные войны, а подчиненный народ будет заниматься только земледелием [5, с. 173]. Шан Ян призывал государя ограничивать блага для населения, чтобы народ радовался даже и малым наградам [5, с. 159]. Шан Ян называл вредными такие качества, как соблюдение традиций, почтительность к стар-

шим, искренность, доверие, честность, справедливость, человеколюбие, миролюбие, бескорыстность [5, с. 193], то есть человек Шан Яна был, по сути, машиной для войны и строительным материалом для бесконечно воюющего государства.

Война всех против всех – это та политическая реальность середины XVII в. в Англии, которая послужила причиной для разработки теории общественного договора как средства для примирения сторон и упорядочения общежития сперва Т. Гоббсом, а затем Дж. Локком. В условиях постоянной войны человек не может считать свои собственность и свободу защищенными. Для прекращения войны, убежден Локк, люди должны принять общие для выполнения правила, которые ограничат частные страсти. Именно страсти, то есть присвоение своему частному или коллективному интересу более высокого приоритета, чем интересу ближнего, при принятии решений, становятся причиной войн, конфликтов, грабежа. Еще Аристотель писал, что невозможность делать все, что заблагорассудится, защищает от разрушительного воздействия страстей [1, с. 571]. Вступая в общество, человек отказывается от своего права судить и наказывать за преступления по своему усмотрению [10, с. 310]. Закон призван сохранить и расширить свободу распоряжаться своей личностью и собственностью, защищая от произвольных ограничений и насилия со стороны других [10, с. 292]. Власть не должна быть произвольной, поскольку ее смысл – благо общества, когда народ знает свои обязанности и защищен законом, а правители законом ограничены [10, с. 342]. Добровольное, формализованное согласие ограничить свои страсти – это проявление ответственности и необходимое условие для установления общественного мира. Напротив, безответственное своеволие руководителя при исполнении обязанностей – это, по сути, объявление войны народу. Локк пишет, что тот, кто пытается полностью подчинить себе другого, вступает с ним в состояние войны, поскольку, лишив свободы, сможет принуждать и уничтожить [10, с. 269]. Рабство – состояние войны между победителем и пленником [10, с. 275]. Деспот, присваивая себе власть над жизнью других, делает силу своим правом, и, следовательно, силовое устранение такого деспота поработоченными им людьми будет соответствовать праву [10, с. 363]. Когда власть

пытается поработить народ, она ставит себя в состояние войны с народом и упраздняет обязанность народа повиноваться [10, с. 389]. Узурпация – это домашнее завоевание [10, с. 377]. Тирания представляет собой вторичную простоту, согласно трехшаговой классификации Леонтьева: если первобытные общества достаточно похожи системой подчинения вождю, то и тирания, в крайнем выражении, нивелирует цветущую сложность различий между странами, народами и культурами [9]. При абсолютной тирании умирает философия [16, с. 325] и всякая свобода, будь то свобода религиозная, культурная, экономическая.

Основная ветхозаветная ценность, в полной мере воплощенная уже в Новом Завете, – это свобода. Память об освобождении от египетского рабства – важнейшая политическая идея, проходящая через все книги Ветхого Завета. И освобождение от вавилонского пленения в эпоху Неемии воспринималось в том же ключе дарованной Богом свободы, а соблюдение заповедей было гарантией сохранения этой свободы. Институционализированное порабощение несовместимо с религией освобождения. Свобода – вот основной предмет общественного договора еврейского народа. Ответственное руководство Неемии было нацелено на сохранение и защиту свободы евреев. Ответственное руководство и защита вечных ценностей исключают тиранию как деспотическое своеволие.

Проповедник XVII в. Джонатан Митчелл в своем размышлении о книге Неемии обращает внимание на то, что цель и ориентир для всех земных правителей – благо народа [30, р. 237], повторяя мысль Аристотеля, утверждавшего, что правильно такое устройство, которое имеет в виду общую пользу, а не благо правителей [1, с. 456]. Суммирование теоретических соображений о тирании Аристотель проводил примерно одновременно с Шан Яном, в середине IV в. до н.э. Хотя у Аристотеля можно найти ряд советов для тирана, которые впоследствии систематизирует и разовьет Макиавелли, его общее отношение к тирании отрицательное, он противопоставляет тиранию монархии и указывает на неустойчивость тирании в долгосрочной перспективе. Если государство не заботится об общем благе и согласовании интересов, его существование становится недолговечным [15, с. 89–90], из-за перенапряжения репрессивного аппарата [15, с. 11] оно разрушает само себя.

Тирания – безответственная власть к выгоде ее самой, а не подданных, возникающая вопреки их желанию [1, с. 506]. Цель тирана – приятное, цель царя – прекрасное. Тиран преумножает свои богатства, царь – честь. Тиран не доверяет народу и губит знатных [1, с. 553]. Тирания поддерживается ограничением образования [1, с. 559], соглядатаями, разорением подданных, лишением их свободного времени, постоянным ведением войн [1, с. 560], вселением малодушия в подданных, умножением взаимного недоверия, лишением людей политической энергии, враждой с порядочными людьми, которые не станут доносить и не выносят деспотии [1, с. 561]. Тирания неустойчива и для самих тиранов, отмечает Аристотель: наследники тиранов обычно теряют власть, поскольку слишком избалованы роскошью и лестью [1, с. 557]. Правление первого в истории Китая объединителя страны, императора Цинь Шихуана, следовало идеологии Шан Яна, в частности, преследовалась культура и истреблялись конфуцианцы, но само государство распалось при его потомке почти сразу. Помимо знати против власти Цинь взбунтовались и конфуцианцы, и была установлена династия Хань, которая благоволила конфуцианским учениям и правила уже четыре столетия [5, с. 119–123]. Сам Шан Ян был казнен [8, с. 130].

Тирания – осуществление власти помимо права [10, с. 379], а нарушители законов, убежден Локк, – это подлинные мятежники [10, с. 393]. Попытка разрушения справедливого строя – худшее преступление как со стороны подданных, так и со стороны властей, поскольку ведет к насилию и разорению [10, с. 396]. Аристотель отмечает, что преступления совершаются в основном ради честолюбия и корыстолюбия [1, с. 452]. Распри и перевороты производят те, кого не допускают к должностям и кто чувствует себя обиженным [1, с. 568]. Конфликты возникают из-за стремления к прибыли, почету, а также из-за страха, чрезмерного возвышения и высокомерия [1, с. 530], и когда должности занимают люди, враждебные государству [1, с. 532]. Разрушение государственного порядка может производиться представителями власти, которые не хотят попасть под суд [1, с. 436]. Ничтожные люди, захватив власть, могут принести вред государству [1, с. 437]. Эта проблема ярко продемонстрирована в книге Неемии при описании двух политических проблем: во-первых, нежелания

старейшин поступиться своими доходами, что наносило ущерб общему делу восстановления Иерусалима, и, во-вторых, конфликта с представителями элит народов, которые населяли земли рядом с Иерусалимом. Если правитель следует своим страстям и действует в своих интересах, которые не имеют отношения к благу подданных, это источник всех бед и беспорядков [10, с. 358].

В значительной мере ограничение страстей может быть обеспечено с помощью институциональных рамок, но без надлежащих ценностей и ответственного выполнения обязанностей властями институты работать не будут. Когда полномочиями злоупотребляют чиновники, депутаты и правители с дурными намерениями, даже самые качественно выстроенные системы сдержек и противовесов рушатся. Пример такого крушения политическая и историческая науки изучают уже две тысячи лет: Римская республика вплоть до создания США была непревзойденным примером институциональной защиты от злоупотреблений и деспотии. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли объясняет причины устойчивости римской системы: она сочетала в себе все три типа государственного устройства. Монархический элемент был представлен консулами, аристократический – сенатом, демократический – трибунами [27, р. 103]. Крушение системы сдержек и противовесов не произошло одновременно. Макиавелли указывает на амбиции плебеев при проведении аграрной реформы как первопричину перехода Рима к имперскому строю и утрате свободы при Цезаре. Римская республика существовала четыре с половиной века, и сложившиеся в первые триста пятьдесят лет институты были размыты в последний век. Архитектурный баланс системы, вероятно, существенно замедлил, но не предотвратил разрушение, поскольку и сенат, и консулы, и трибуны злоупотребляли своими полномочиями и проявляли безответственность. После Пунических войн аристократия постепенно выродилась и стала использовать популизм и личные нападки вместо доблести для получения власти. Законы о раздаче хлеба, попытки переизбраться на должность, которую традиционно занимали однократно, ограничение власти сената подорвали благородную репутацию трибунов как защитников справедливости. Когда аристократы напали на популяров во главе с Сатурнином, это был первый бой в стенах Рима и фактиче-

ское начало гражданской войны. Нарушение правила получения консульских полномочий Цинной и Марием привело к тому, что Сулла взял на себя диктаторские полномочия. Хотя Сулла и пытался восстановить старые порядки и оставил должность диктатора добровольно, его пример использовал Цезарь для оправдания своих притязаний на власть, и амбиции Цезаря стали последним ударом по республике, которая уже не восстановилась [12, с. 240–362]. Работа Неемии по восстановлению Иерусалима привела к противоположному результату благодаря тому, что он сочетал ответственное исполнение обязанностей с вечными ценностями, определенными в заповедях, и заброшенный и разрушенный город снова ожил, а вместе с ним и система управления.

История и повествование Неемии демонстрируют, что если правитель, депутат или чиновник показывает пример достойного и ответственного служения общему благу, он завоевывает доверие и государство преодолевает даже самые тяжелые вызовы. В XIX в. в Европе из-за трансформации экономики и появления нового класса, наемных рабочих, чрезвычайную остроту приобрел вопрос об устойчивости общества. Логика свободного рынка, или *laissez-faire*, органично сочеталась с бурным ростом промышленности, но огромные массы населения из-за колебаний спроса и предложения могли одновременно оказываться без средств к существованию. Европейская интеллигенция создала идеологию социализма, которая предполагала, что рабочие станут собственниками средств производства и будут получать более существенную долю создаваемой ими продукции. Резкое увеличение численности населения, быстрое обогащение промышленников и торговцев на фоне снижения или отсутствия роста благосостояния рабочих и агитация социалистов создали в XIX в. чрезвычайно серьезные вызовы для государств Европы. В китайской политической традиции важнейшим видом активности правителя считается «успокоение народа», то есть восстановление социальной стабильности после потрясений или в контексте каких-либо вызовов [6, с. 88]. Таким «успокоением» стало в конце XIX в. создание социального государства, одного из наиболее заметных и значимых достижений европейского государственного строительства. Значение примирения классов для общего блага и роль ответственного руко-

водителя показал Неемия, поскольку именно благодаря его вмешательству высшие классы перестали притеснять арендаторов, и евреям удалось мобилизовать ресурсы и восстановить стены Иерусалима.

Социальное государство во многом было институциональным воплощением идеи ответственности, которая происходила из феодального патернализма и была основной в консервативных учениях европейских мыслителей. Карлейль призывал промышленников избрать идеал благородного, а не богатого работодателя [3, с. 283]. Французский консервативный политик, граф Альбер де Мен, фактически содействовал воплощению этого идеала. Он организовал кружки, в которых рабочие могли обсуждать вопросы напрямую с работодателями и создавать фонды взаимопомощи для решения наиболее насущных проблем, таких как выплаты больничных [29, р. 83]. Современник и единомышленник де Мена, проживавший в Австрии, прусский дворянин Карл фон Фогельзанг был убежден в том, что аристократия несет ответственность за благосостояние низших классов [35, р. 306]. Идеи Фогельзанга о служении аристократии и промышленников обществу, понятие призвания, общественно полезной деятельности и умеренного благополучия [35, р. 322] оказали большое влияние на политический дискурс конца XIX в. в Австрии и были воплощены в австрийских законах о создании социального государства в 1880-е гг. [35, р. 306]. Противостояние с социалистами-демагогами стало причиной создания системы медицинского и пенсионного страхования в Германии при консервативном канцлере Бисмарке [31], немецкие институты впоследствии были переняты другими государствами, в том числе и Россией.

Главнейший индикатор качества управления и необходимый элемент для выполнения функций лидерства – это то, какой пример подает руководитель [15, с. 306–310]. Стены Иерусалима чинили великий священник и четыре начальника полуокругов. Сам Неемия также был на работах и посылал слуг на восстановление стен. Он был вооружен на случай конфликта с самарянами и аммонитянами. Он тратил свои средства на производство работ. В отличие от предшествующих областеначальников он не получал доходы, не брал сам и не позволял слугам брать мзду с подчиненных. Более того, он кормил за свой счет аристократию, чтобы содействовать

строительству. Он убеждал старейшин принимать решения в интересах еврейского народа. Он использовал свои полномочия и положение при персидском дворе для того, чтобы добиться восстановления и защиты Иерусалима. Власть для него была средством, которым он не злоупотреблял, а соблюдение закона и благополучие еврейского народа – целью.

«Перетягивание каната» в борьбе за власть, если власть становится самоцелью, ведет к разрушению институтов, а безответственность – к вырождению элит. Книга Неемии показывает пример ответственного выполнения административных обязательств и может служить, подобно конфуцианским текстам о добродетельном чиновничестве, руководством для бюрократов и политиков. Книга Неемии может быть рекомендована для изучения в рамках политологических дисциплин по трем причинам. Во-первых, она описывает важный этап истории, соответствующий эпохе Геродота и Фукидида, с которого обычно начинается систематическое изучение политической науки. Во-вторых, она представляет собой ценное сочетание опыта политики и администрирования, то есть нахождения баланса между противоборствующими интересами и распределения указаний и полномочий. Неемия выполнял такие функции государственного управления, как подбор нормативно-правовых актов для административных действий и организация документооборота, сбор обращений от населения, наблюдение за общественным мнением, мотивирование подрядчиков при исполнении задач, распределение обязанностей и назначение ответственных, контроль над исполнением законов, урегулирование конфликтов между различными группами населения и конфликтов с конкурирующими претендентами на управление вверенной ему территорией, перепись населения, сбор средств. В-третьих, книга Неемии отличается созидательной этической составляющей и показывает, что власть – это, в первую очередь, инструмент, а цель – человек, его свобода и благо, о чем также рассуждали Аристотель, Локк и многие другие мыслители. В книге Неемии гораздо ярче, чем в «Государе» Макиавелли, показан масштаб ответственности правителя. Самое нежелательное последствие ошибок правителя в «Государе» Макиавелли – это утрата власти и заключение, изгнание или смерть вследствие преследования со стороны тех, кто был обижен государем или желал от-

нять у него власть по иной причине. Неемия самоотверженно служил общему благу, поскольку отвечал перед Богом и перед еврейским народом, который находился на грани исчезновения. Ответственное лидерство и следование вечным ценностям позволяет обществу сохраняться, как сохранялась Римская республика, когда ее правители больше заботились об общем, нежели о личном благе и преодолевали свои страсти, развиваться, как развилось социальное государство в Европе XIX в., и восстанавливаться, как восстановился Иерусалим благодаря Неемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–645.
2. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 6–199.
3. Карлейль Т. Прошлое и настоящее // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 200–295.
4. Книга Неемии // Библия. М.: Российское библейское общество, 2005. С. 474–488.
5. Книга правителя области Шан. М.: Ладомир, 1993.
6. Конфуций. Лунь Юй // Мартынов А.С. Конфуцианство: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 209–370.
7. Коростовцев М.А. Литература Древнего царства (III тыс. до н.э.) // История всемирной литературы: в 8-ми т. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 57–64.
8. Крюгер Р. Китай. История страны. М.: Эксмо, 2008.
9. Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992.
10. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
11. Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2003.
12. Моммзен Т. История Рима. М.: Эксмо, 2010.
13. Первая книга Ездры // Библия. М.: Российское библейское общество, 2005. С. 464–473.
14. Фридрих Великий. Анти-Макиавелли. М.: Эксмо, 2017.
15. Шамшури В.И. Консерватизм и свобода. Краснодар: Глагол, 2003.
16. Штраус Л. О тирании. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
17. Юнгеров П.А. Происхождение и историчность книг Ездры и Неемии // Православный собеседник. 1905. № 10. С. 189–201.
18. Barber, C.J., 1999. Nehemiah and the dynamics of effective leadership. New York: Loizeaux Brothers.
19. Brown, G., 2015. Nehemiah: becoming a godly leader. Lebanon: BTG Publishing.
20. Brown, R., 1998. The message of Nehemiah: God's servant in a time of change. Leicester: Intervarsity Press.
21. Diderot, D., 1765. Machiavellianism. In: Diderot, D. and d'Alembert, J.L., 1765. Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. 17 vols. Vol. 9. Paris: Briasson, p. 709.
22. Friedman, H.H. and Herskovitz, P.J., 2019. Rebuilding of the temple and renewal of hope: leadership lessons from Zerubbabel, Ezra, and Nehemiah. The Journal of Values-Based Leadership, Vol. 12, no. 2, pp. 1–20.
23. Fulton D., 2018. What kind of governor was Nehemiah? Zeitschrift fur die Alttestamentliche Wissenschaft, Vol. 130, no. 2, pp. 252–267.
24. Gets, G.A., 1998. Nehemiah: becoming a disciplined leader. Nashville: Broadman & Holman.
25. Leong, K.H. and Poon, M.S., 2005. Rebuilding God's people: an Ezra-Nehemiah handbook for leaders. Singapore: All Nations Enterprises.
26. Macaulay, T., 1850. Essays. London; New York: G. Routledge and sons.
27. Machiavelli N., 1882. Discourses on the first ten books of Titus Livius. In: The historical, political and diplomatic writings of Niccolo Machiavelli: in 4 vols. Vol. 2. Boston: J.R. Osgood and Co, 1882, pp. 93–433.
28. Maclariello, J., 2003. Lessons in leadership and management from Nehemiah. Theology Today, Vol. 60, no. 3, pp. 397–407.
29. Martin, B.F., 1978. Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
30. Mitchell J., 1938. Nehemiah on the wall. In: Miller, P. and Johnson, T. eds., 1938. The puritans. New York: American Book Company, pp. 237–243.
31. Scheubel, B. ed., 2013. Bismarck's institutions: a historical perspective on the social security hypothesis. Tubingen: Mohr Siebeck.
32. Seume, R.H., 1978. Nehemiah: God's builder. Chicago: Moody Press.
33. Strauss, L., 1958. Thoughts on Machiavelli. Glencoe: The Free Press.

34. Yamauchi, E.M., 1980. The archaeological background of Nehemiah. *Bibliotheca Sacra*, no. 137, pp. 291–309.

35. Zelinka, I., 2005. *Der autoritäre Sozialstaat: Machtgewinn durch Mitgefühl in der Genese staatlicher Fürsorge*. Münster: LIT Verlag.

REFERENCES

1. Aristotle, 1983. *Politika* [Politics]. In: Aristotle, 1983. *Sochineniya: v 4-kh t. T. 4*. Moskva: Mysl', pp. 375–645. (in Russ.)

2. Carlyle, T., 1994. *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [On heroes, hero-worship, and the heroic in history]. In: Carlyle, T., 1994. *Teper i prezhdde*. Moskva: Respublika, pp. 6–199. (in Russ.)

3. Carlyle, T., 1994. *Proshloye i nastoyashcheye* [Past and present]. In: Carlyle, T., 1994. *Teper i prezhdde*. Moskva: Respublika, pp. 200–295. (in Russ.)

4. *Kniga Neemii* [The book of Nehemiah]. In: *Bibliya*. Moskva: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo, 2005, pp. 474–488. (in Russ.)

5. *Kniga pravatelya oblasti Shan* [Book of Lord Shang]. Moskva: Lodomir, 1993. (in Russ.)

6. Confucius, 2001. *Lunyu* [Analects]. In: Martynov, A.S., 2001. *Konfutsianstvo: v 2-kh t. T. 2*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 209–370. (in Russ.)

7. Korostovtsev, M.A., 1983. *Literatura Drevnego tsarstva (III tys. do n.e.)* [The literature of the Old Kingdom (III millennium B.C.)]. In: *Istoriya vsemirnoi literatury: v 8-mi t. T. 1*. Moskva: Nauka, pp. 57–64. (in Russ.)

8. Kruger, R., 2008. *Kitai. Istoriya strany* [All under heaven: a complete history of China]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

9. Leontiev, K.N., 1992. *Tsvetushchaya slozhnost'*. *Izbrannye stat'i* [Blossoming complexity. Selected articles]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

10. Lock, J., 1988. *Dva traktata o pravlenii* [Two treatises of government]. In: Lock, J., 1988. *Sochineniya: v 3-kh t. T. 3*. Moskva: Mysl', pp. 137–405. (in Russ.)

11. Machiavelli, N., 2003. *Gosudar'* [The prince]. Moskva: AST. (in Russ.)

12. Mommsen, T., 2010. *Istoriya Rima* [The history of Rome]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

13. *Pervaya kniga Ezdry* [The first book of Ezra]. In: *Bibliya*. Moskva: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo, 2005, pp. 464–473. (in Russ.)

14. Frederick the Great, 2017. *Anti-Machiavelli* [Anti-Machiavel]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

15. Shamshurin, V.I., 2003. *Konservatism i svoboda* [Conservatism and freedom]. Krasnodar: Glagol. (in Russ.)

16. Strauss, L., 2006. *O tiranii* [On tyranny]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (in Russ.)

17. Yungerov, P.A., 1905. *Proiskhozhdenie i istorichnost' knig Ezdry i Neemii* [Origins and historicity of the books of Ezra and Nehemiah], *Pravoslavnyi sobesednik*, no. 10, pp. 189–201. (in Russ.)

18. Barber, C.J., 1999. *Nehemiah and the dynamics of effective leadership*. New York: Loizeaux Brothers.

19. Brown, G., 2015. *Nehemiah: becoming a godly leader*. Lebanon: BTG Publishing.

20. Brown, R., 1998. *The message of Nehemiah: God's servant in a time of change*. Leicester: Inter-Varsity Press.

21. Diderot, D., 1765. *Machiavellianism*. In: Diderot, D. and d'Alembert, J.L., 1765. *Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers*. 17 vols. Vol. 9. Paris: Briasson, p. 709.

22. Friedman, H.H. and Herskovitz, P.J., 2019. *Rebuilding of the temple and renewal of hope: leadership lessons from Zerubbabel, Ezra, and Nehemiah*. *The Journal of Values-Based Leadership*, Vol. 12, no. 2, pp. 1–20.

23. Fulton D., 2018. *What kind of governor was Nehemiah?* *Zeitschrift fur die Alttestamentliche Wissenschaft*, Vol. 130, no. 2, pp. 252–267.

24. Gets, G.A., 1998. *Nehemiah: becoming a disciplined leader*. Nashville: Broadman & Holman.

25. Leong, K.H. and Poon, M.S., 2005. *Rebuilding God's people: an Ezra-Nehemiah handbook for leaders*. Singapore: All Nations Enterprises.

26. Macaulay, T., 1850. *Essays*. London; New York: G. Routledge and sons.

27. Machiavelli N., 1882. *Discourses on the first ten books of Titus Livius*. In: *The historical, political and diplomatic writings of Niccolo Machiavelli: in 4 vols. Vol. 2*. Boston: J.R. Osgood and Co, 1882, pp. 93–433.

28. Maclariello, J., 2003. *Lessons in leadership and management from Nehemiah*. *Theology Today*, Vol. 60, no. 3, pp. 397–407.

29. Martin, B.F., 1978. *Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

30. Mitchell J., 1938. *Nehemiah on the wall*. In: Miller, P. and Johnson, T. eds., 1938. *The puritans*. New York: American Book Company, pp. 237–243.

31. Scheubel, B. ed., 2013. Bismarck's institutions: a historical perspective on the social security hypothesis. Tübingen: Mohr Siebeck.

32. Seume, R.H., 1978. Nehemiah: God's builder. Chicago: Moody Press.

33. Strauss, L., 1958. Thoughts on Machiavelli. Glencoe: The Free Press.

34. Yamauchi, E.M., 1980. The archaeological background of Nehemiah. *Bibliotheca Sacra*, no. 137, pp. 291–309.

35. Zelinka, I., 2005. Der autoritäre Sozialstaat: Machtgewinn durch Mitgefühl in der Genese staatlicher Fürsorge. Münster: LIT Verlag.

